

П Л А Х А

1917 – 2017

**СБОРНИК СТАТЕЙ
О РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Александр Щипков

**Плаха. 1917–2017. Сборник
статей о русской идентичности**

«Автор»

2015

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

Щипков А. В.

Плаха. 1917–2017. Сборник статей о русской идентичности /
А. В. Щипков — «Автор», 2015

Сборник «Плаха», как и сборник «Перелом», выпущенный теми же составителями в 2013 году, продолжает традицию дореволюционных «Вех». Этот жанр предполагает «политику вне политики» – откровенные размышления о судьбах страны, затрагивающие все болевые точки общественного сознания. Созвучные друг другу, но не во всём идейно схожие тексты сборника принадлежат авторам, которые остро переживают тяжёлое положение своего народа. Сборник создавался на фоне кровавых политических событий и запечатлел ответ интеллектуальной части русского общества на брошенный ей вызов. Шесть авторов посвятили свои статьи проблемам русской и советской идентичности, русско-украинским отношениям, банкротству неолиберальной идеологии, истории русской Катастрофы. Вопрос, который проходит лейтмотивом через весь сборник, – как не дать украсть у русского общества часть его истории?

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

© Щипков А. В., 2015
© Автор, 2015

Содержание

От составителя	5
Похищение русской идентичности	7
Кризис мультикультурности	8
Парадоксы идентичности постсоветского периода	9
Вакуум идентичности	11
Украинский вызов	12
Проектный этнос	14
Causus belli	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Щипков

Плаха. 1917–2017. Сборник статей о русской идентичности

От составителя

Собрание статей под названием «Плаха» продолжает проект, начатый нами два года назад.

Тогда, в 2013 году, вышел в свет сборник «Перелом». Мы посвятили его дореволюционным «Вехам» и «веховской» традиции откровенных размышлений о судьбах страны. «Вехи» – это, так сказать, политика вне политики. Сила «веховцев» в неподдельной искренности общественных и политических суждений. Судя по развернувшейся вокруг «Перелома» полемики, мы смогли попасть в этот уникальный формат, затронуть нервные узлы общественной жизни, – словом, задействовать «память жанра».

Надеемся, что эта память сработала и в «Плахе», и нам вновь удалось реализовать право участников проекта на прямое высказывание. Заключительный сборник нашей «трилогии» намечен на конец 2016 года.

Созвучные друг другу, но не во всём схожие идеологически статьи настоящего сборника – гарант того, что наша интеллектуальная площадка не стала образцом искусственного единомыслия. Здесь собраны авторы, которые, несмотря на разницу взглядов, имеют одно общее свойство: они остро переживают тяжелое положение, в котором оказалась наша страна, и готовы откровенно говорить об этом. Это, как сказали бы публицисты старой школы, люди с общественным темпераментом. Они понимают, что ситуация требует срочных и кардинальных перемен в политике, пока Россия ещё сохраняет историческую субъектность.

Название и тематические рамки сборника были неизвестны никому из авторов вплоть до отправки сборника в типографию. Этот принцип даёт на выходе спонтанное, не подготовленное полемикой и непредсказуемое столкновение идей. Такое столкновение способно стать непосредственным отражением реальных идеологических процессов, происходящих в российском обществе. Здесь уместен принцип «и чем случайней, тем вернее».

Но отсутствие идеологической заданности и идейное «непредрешенчество» не отрицают наличия в сборнике собственного композиционного решения, «архитектурной» концепции с контрапунктами, инверсиями, рифмовками и рефренами, которые несомненно будут заметны читателю уже при беглом просмотре оглавления. Но это о форме. Теперь о содержании.

Читатель помнит, что лейтмотивом «Перелома», который писался за год до крымских событий, был раскол русского общества, разделение справедливости и традиции в русской истории и пути их возвращения друг к другу. Сборник «Плаха» создавался на фоне кровавых событий, в новых и никем не предсказанных обстоятельствах, которые предопределили тематическую направленность сборника. Перед нами встала задача – запечатлеть исторический миг, когда формируется ответ русского общества на брошенный ему вызов. Формируется в обход телевизионных ток-шоу, блоггерских провокаций и информационных войн. Необходимо было отделить реальную жизнь российских интеллектуалов от законов проплаченного медийного пространства, в котором каждый политический лагерь создаёт устраивающую его картину общественных настроений.

Раскол между традицией и справедливостью, советским и несоветским, красными и белыми всегда держал общество в состоянии болезненной стагнации. Но в ситуации скач-

кообразно возросшего геополитического противостояния он ставит под вопрос выживание нации. Либо раскол преодолевается, либо он переходит в распад нации и государства.

Именно этим обстоятельством объясняется историческая датировка сборника: 1917–2017. Она говорит о том, что наше общество созрело для важного вывода: историю ещё никому и никогда не удавалось начать с чистого листа. Ни в 1917-м, ни в 1991-м, ни в 2014-м. Бессмысленная борьба между советским и антисоветским в общественном сознании исчерпала себя. На смену этой изнуряющей борьбе приходит понимание общих закономерностей национальной истории и общих параметров государственности, различимых как в дореволюционном, так и в советском прошлом и устоявшихся со времён византийского выбора России.

Советский период уже сегодня начинает восприниматься как неотъемлемая часть русской истории, а советская идентичность – как важный элемент русской идентичности.

Сегодня мы должны перестать отсчитывать наши задачи от того, что произошло 100 лет назад. Сегодня важно то общее, что не смогла расколоть даже гражданская война, что существовало и в дореволюционной России, и в советский период. Для обеих сторон исторического конфликта есть лишь один-единственный выход: они обязаны преодолеть гордыню. Не дать украсть у русского общества часть его истории.

И несколько слов о заглавии сборника «Плаха», которое является для составителя знаковым.

Русские – это один из народов, подвергшихся геноциду в прошлом веке, и, в отличие от многих других, подвергающийся ему сейчас. Геноцидом русских и дружественных нам народов являлась этническая война 1941–1945 годов. И если евреи уже пережили и осмыслили свою Катастрофу, то русские продолжают её переживать и осмысливать.¹

Уникальный случай: даже после 2014 года русские в массе своей не до конца осознали, что их уничтожают как нацию, хотя процесс давно миновал начальную стадию. Тема ирредентизма в рамках украинского кризиса, русская весна и крымский сюжет – всё это попытки остановить процесс уничтожения. Тем не менее он пока не остановлен. На повестке дня транснациональных элит стоит окончательное решение русского вопроса. Это грозит исчезновением русских как нации, как политического субъекта.

Но исполнения приговора можно избежать. Для этого большинству народа достаточно осознать смертельную опасность и перестать играть по правилам, навязанным частью компрадорских элит правящего класса. В качестве аналогии в статье «Русофобия» приводится финал набоковского «Приглашения на казнь», где герой в последний момент осознал, что *без его согласия* его казнь не может состояться.

И мы верим, что казнь действительно не состоится. Если мы сами этого не захотим.

А. Щ.

¹ Я бы так и назвал русскую катастрофу собственным, исконно русским историческим именем – Плаха. (Плаха – эшафот, место казни, *перен. разг.* – смертная казнь).

Похищение русской идентичности

Несколько лет назад немецкий канцлер Ангела Меркель сделала заявление, которое породило много эмоциональных и противоречивых откликов. Причём отклики российских экспертов оказались даже более эмоциональными, чем оценки их западных коллег. Речь шла о конце эпохи мультикультурности. Одни комментаторы увидели в признании госпожи Меркель «уступку антимигрантским настроениям», другие – восстановление прав коренных европейцев. Но сегодня очевидно, что публичный жест Меркель был началом отсчёта новой эпохи. Правила игры в глобальном мире уже тогда начинали меняться.

Кризис мультикультурности

Мультикультурность отправили в утиль не потому, что мигранты оказались трудновоспитуемыми, а потому, что в мировой политике пришло время кардинального поворота и переоценки ценностей. Глобальный проект достиг своих пределов и был поставлен под сомнение. Начался откат – разумеется, на условиях и к выгоде глобализаторов, которые намерены поколебать основы миропорядка «сверху», пока они не поколеблены «снизу». Для этого они вынуждены «поджигать» мировую периферию.

В таких условиях мир архаизируется и возникает новый запрос на идентичность и традицию. Вот что на самом деле имела в виду фрау Меркель. Переоценка ценностей уже происходит. Одним из её итогов стал «коричневый» переворот в Киеве и фактическая реабилитация фашизма западными элитами. Избитая фраза «после Освенцима нельзя писать стихи» теперь выглядит как мрачный каламбур. Но ответом на архаизацию неолиберального мира является встречный рост пассионарности, который также имеет в своей основе идентичность и традицию.

Идентичность принято определять через «квадрат идентичности» – набор известных параметров: язык, конфессия, культурная принадлежность, общая историческая судьба. Но если перевести смысл понятия «идентичность» на язык психологии, получится нечто вроде коллективной Я-концепции – то есть ответа общества на вопросы «кто мы, откуда и куда идём?». Осознание своей исторической миссии.

Сегодня в политическом споре выигрывает тот, чья идентичность более прочна и устойчива. И наоборот: кризис идентичности ведёт к утрате геополитических позиций в мире. Период, связанный с дроблением государств, регионализацией, искусственным конструированием идентичностей (например, бывшая Югославия), заканчивается. Растёт значение региональных союзов, рынков и валют. Симулякры глобального космополиса уступают место процессам реального этногенеза и нациогенеза. С этой точки зрения следует смотреть и на возвращение Россией Крыма, и на успех фундаменталистских движений на Востоке, и на рост национально-консервативных, радикально националистических и нацистских идей в Восточной Европе. Не исключена новая волна суверенитетов: вслед за возвращением Крыма последовали попытки референдумов в Шотландии и Каталонии. И эта тенденция сохранится.

Мир вновь возвращается к нерешённым проблемам XVIII века, связанным с доминированием формата nation state, конфликтом секулярного и религиозного. Национальные общности вновь становятся главными акторами истории. Поэтому идентичность и традиция «растут в цене» и составляют капитал, который гарантирует устойчивость в современном мире. Идентичность и традиция получают право на прямое политическое высказывание. Происходит это там, где финансово-экономическое регулирование не срабатывает. Некоторые, прежде всего США, ухитряются использовать в своих целях пассионарный заряд чужой идентичности (война на Украине). Для наций наступило время, когда уже поздно задавать себе гамлетовские вопросы.

Парадоксы идентичности постсоветского периода

Обратимся к русской традиции и русской идентичности. Мы можем дать их развёрнутую формулу, состоящую из ряда компонентов – таких, как православная этика, социальная справедливость, социальное равенство, примат морали над правом, демократический централизм. Дореволюционный мир и мир советский, исторически сошедшие в непримиримой схватке, имеют, тем не менее, общие корни и одинаково отражают русскую идентичность.

В её основе лежит императив поисков или построения «царства правды», где всякий человек нужен, никто не лишний, никто не строит своё счастье на несчастье другого, все объединены духовными узами и общими задачами. Образ «Святой Руси» как «сосуда истинной веры» и образ социальной справедливости, «общества равенства и братства» – разные проекции этой идеи, части одного целого. Восходит эта идея к концепции Третьего Рима и византийскому наследию и представляет собой то общее, что не может расщепить до конца даже революция.

Цели общественного строительства (советский социализм) и коллективного спасения (соборность) – это расходящиеся вариации на одну и ту же тему. Режимы и правительства приходят и уходят, секулярность и религиозность сменяют друг друга в самых причудливых формах, идеология меняет знаки, а эта *эсхатологическо-эгалитарная византийская матрица* остаётся в исторической памяти. Она – неделимое целое. И гражданская война, как ни странно, лишь подчёркивает это единство. Трагичны не исторические катаклизмы сами по себе, трагичны исторические разрывы, которые их вызывают. История России знает разрывы между справедливостью и традицией, религиозностью и атеизмом... Разрывы эти должны срастись прежде, чем русская идентичность ослабеет и мы утратим свою историческую субъектность.

Сегодня тема русской идентичности вызывает много вопросов. Постсоветская модель компрадорского капитализма по всем параметрам, структурным и ценностным, является пост-протестантской. Поэтому она находится в глубоком противоречии с реальным историческим опытом народа (в отличие от «опыта господства» правящего класса). В 1990-е и нулевые русская идентичность расшатывалась и слабела. Советская модель развития, скрепляемая идеей полиэтнической нации и социального государства, безусловно, является неотъемлемой частью русской традиции. Но она была отвергнута правящим классом и уступила социал-дарвинистской модели и социальной евгенике («умри ты сегодня, а я завтра»).

Похищение советского компонента русской идентичности осуществили постсоветские «элиты», значительную часть которых, между прочим, составляли переродившиеся представители второго-третьего эшелонов советской партийной номенклатуры. Важная часть исторического опыта народа была перечёркнута. Лозунг «десоветизации» объективно направлен не против отдельно взятого «советского», а против всей русской традиции и национальной исторической преемственности. Нечто похожее происходило и в первые годы советской власти, когда рушился не только старый политический режим, но и культурные основания дореволюционной России. Нередко трагедия повторяется в истории именно как трагедия, а не как фарс.

Россия после 1991 года остаётся чем-то вроде детского конструктора, наспех собранного с помощью либеральных технологий. Следует отметить, что комплекс либеральных идей в России был превращён в культ и его до сих пор путают с национальной идентичностью, хотя на либеральном Западе этой подмены понятий не существует. Там идентичность и традиция всегда рассматриваются как неприкосновенный исторический ресурс, а либерализм, консерватизм, социализм – только как политические инструменты.

У российских элит вместо рационального присутствует квазирелигиозный взгляд на эти вещи. При этом Россия имеет огромное население со стёртой, нечёткой идентичностью. Это касается 86 % – того самого «закрымского» большинства. Оставшиеся 16 % принадлежат

к «креативному классу» – привилегированной прослойке, занимающейся производством моделей потребления – моделей, не сводимых только к сфере материально-торгового обмена. Одной из таких моделей является образ негативной российской идентичности, основанный на комплексе исторической неполноценности. Эта компрадорская версия идентичности предполагает вытеснение из коллективной памяти традиционных сакральных смыслов русской истории. Отсюда издевательства либеральной прессы над людьми, причастными к акции «Бессмертный полк», которая впервые состоялась 9 мая 2015 года.

Вакуум идентичности

Результатом навязывания негативного образа идентичности стала дезориентация русского общества. В этой ситуации реальная идентичность слабеет, стирается, дробится. Так, в современной России поощряется разрыв советского и антисоветского, «красных» и «белых», секулярного и религиозного, «староверов» и «никониан». На месте каждого такого разрыва возникает вакуум идентичности. Фрустрированность, ощущение экзистенциальной пустоты общество стремится заполнить любой ценой. В этом состоянии народу легко навязать мифы о нём самом. К числу таковых можно отнести мифы о коллективной исторической вине, о неспособности русских к самоорганизации, об их «генетическом рабстве» или даже о склонности к «фашизму». Впрочем, на фоне геноцида русских на Украине последний миф успел заметно «сдуться» в глазах общества.

Так формируется ложное сознание, и формирует его компрадорская часть креативного класса, называющая себя «гражданским обществом», но объективно разрушающая основы реального гражданского общества. Аналогичная ситуация уже складывалась в России в начале 1990-х, сейчас она повторяется и может иметь не менее серьёзные последствия.

Кризис русской идентичности ощутим и в Новороссии. Вообще, если говорить о русском национально-освободительном восстании на Юго-Востоке Украины, надо отметить, что его слабая организация объясняется не только военно-политическими и экономическими причинами, но и стёртой идентичностью большинства жителей Харькова, Одессы, Донецка, Луганска. В основном эти люди не обладают специфической украинской ментальностью. Этот вакуум мог бы быть заполнен иными ценностными содержаниями, но культурная и духовная принадлежность этих регионов к русскому миру чётко не сформулирована и в самой России.

Сказанное свидетельствует о том, что всё российское общество, включая ирреденту Новороссии, переживает глубокий кризис идентичности, в составе которой остаётся ряд невосполнимых лакун. Это лишает страну серьёзных позиций на международной арене и провоцирует в России рост русофобии (прежде всего в среде «креативного класса», чуткого к политической конъюнктуре). А также ведёт к дальнейшей эрозии общих ценностей, релятивизму, карнавализации важных идей и символов (например, празднования Дня Победы), к вытаптыванию символического пространства общества – той питательной среды, в которой как раз и живёт идентичность.

Украинский вызов

Но главную и по-настоящему смертельную угрозу русским как национальной общности несёт соседний киевский режим. Абсурдная ситуация одновременного существования фактически двух враждебных друг другу «Россий» устраивала как российский, так и украинский олигархат. Разумеется, случались обострения тлеющего конфликта. Например, свержение украинскими спецслужбами законно избранной власти крымской русской автономии в лице её президента Юрия Мешкова или «майдан» 2004 года, который сделал русофобскую политическую концепцию официальной идеологией Киева. Новым обострением холодной русско-украинской войны стала борьба за статус русского языка. В 2012 году в Верховной Раде стараниями Партии регионов прошёл так называемый «закон о русском языке Колесниченко-Кивалова», расширявший права русских Украины, по крайней мере в языковой сфере. И буквально первое, с чего в 2014 году начала свои шаги новая, майданная власть, – это попытка отменить закон о русском языке, что и стало детонатором восстания на Юго-Востоке. Произошла разморозка конфликта и его переход в горячую фазу межнациональной гражданской войны. В Новороссии родилось национально-революционное движение, а Киев превратил Украину после «майдана» в единый военный лагерь. Ситуация хорошо отражена в киевском еженедельнике «Деловая столица» – в статье с красноречивым названием «Как вычистить русский мир». Этот материал достоин обширной цитаты.

По мнению автора еженедельника, необходимо «во-первых, не дать вернуть в повестку дня раскольническую тему русского языка как второго государственного. Сделать это попытаются многие (выборы на пороге), но поскольку тема напрямую связана с подогреванием сепаратистских настроений, правоохранительные органы могут (если получают команду) пресекать москвофильство на корню. Недопустимо, чтобы агентура Кремля, годами работавшая против Украины, опять зарабатывала баллы на теме официального двуязычия. Во-вторых, следует обеспечить постепенную дерусификацию учебного процесса. <...> Уже дети тех, кто не изучал русский язык, не чувствуют ни малейшей сопричастности с “русским миром”. Также требуется выдавливание русского языка из СМИ и ограничение русской попсы на FM-станциях и музыкальных каналах. <...> Придётся заняться ограничением российской книгопечатной продукции. <...> Из топонимики городов и сёл должны исчезнуть названия советской эпохи»².

Это ситуация пассионарного взрыва, если называть вещи своими именами. Правда, эта пассионарность завязана на откровенно фашистскую идеологию превосходства и выражается в системном геноциде. Другой пример. Как оценить ситуацию, при которой «Сергей Квит, ныне заделавшийся министром образования и науки Украины <...> – сотник входящей в состав “Правого сектора” организации “Тризуб Степана Бандеры”»³. Мы, разумеется, можем произнести все полагающиеся правильные слова о неофашистской сущности «Тризуба» и майданных сотен. Но это не поможет русским Украины защититься от культурной и этнической агрессии.

Если «отжать» ситуацию до голой прагматики, придётся констатировать: нынешняя Украина – успешно перешедшее на военные рельсы сверхцентрализованное государство, а украинская власть доверяет своим пассионариям, то есть наиболее сознательным носителям украинской идентичности.

² День настоящей независимости // Деловая столица. – URL: <http://www.dsnews.ua/world/den-nastoyashchey-nezavisimosti-19082014062100>.

³ Бабич Д. «Новая» Могилянка: из «борьбы с москалями» – безбожие / Д. Бабич. – URL: http://www.religare.ru/2_104653.html.

Российское общественное мнение воспринимает происходящее просто как войну в соседней стране. Украинская сторона воспринимает события не как гражданский межнациональный конфликт, а как войну с Россией и русскими, с русской национальной общностью. Согласно украинским социологическим исследованиям (2014–2015 гг.), около 63 % респондентов одобряют проведение АТО и при этом около 40 % уверены, что Украина воюет именно с государством Россия (данные КМИС – Киевского международного института социологии).

Таким образом, со стороны Украины это классическая этническая война, подобная той, что была начата Германией в 1941 году. Но 75 лет назад обе воюющие стороны одинаково хорошо понимали, что происходит. А сейчас с русской стороны такого понимания не наблюдается. Непонимание реальной ситуации грозит русским поражением, несмотря на всё военнотехническое превосходство. Ведь войны выигрываются не только оружием, что и было продемонстрировано год назад в Киеве на улице Грушевского.

Проектный этнос

Вроде бы на это можно возразить: да мало ли в мире стран, которые придерживаются русофобского курса во внешней политике? А разница между тем огромная. Русофобия этих государств, пусть даже очень глубокая и застарелая, является всё же ситуативной. Она диктуется только их политическими интересами и не составляет саму основу государственности этих стран, а тем более идентичности их народов. У Латвии, Литвы, Польши, Румынии, США, Англии есть множество других забот и исторических задач помимо «русского вопроса». У каждой из этих стран есть своя уникальная историческая традиция; некоторые из них даже входили в число республик СССР и воспринимают этот период как «годы оккупации». Тем не менее интеллектуалам этих стран вовсе не приходится громко доказывать тот очевидный факт, что, например, «Латвия – не Россия». Человека, стоящего в пикете с таким лозунгом, сочли бы, пожалуй, не вполне здоровым. А вот бывший президент Леонид Кучма мог позволить себе назвать главный литературный труд своей жизни «Украина – не Россия». Разумеется, это возможно лишь в случае, когда выдвигаемый тезис неочевиден.

Этот признак указывает на то, что Украина, безусловно, не является обычным национальным государством с собственной исторической идентичностью, а является чем-то принципиально иным. Украинская идентичность также представляет собой довольно странное явление. Нередко её носителей причисляют к разряду так называемых «проектных этносов». Речь идёт о бывших русских («малороссах»), переставших быть русскими в силу внешних политических факторов, да ещё принуждающих перестать считать себя русскими тех, кто такого «волевого решения» не принял (новороссов, крымчан). Украинский сюжет в этом смысле напоминает историю с хорватами, которые перестали быть сербами, перейдя в католичество. Хорватская идентичность включает в себя сильнейший комплекс отторжения и ксенофобии по отношению к сербам – бывшим «своим», ставшим «другими» и враждебными. Так подчёркивается инаковость, так работает национальное чувство. Неудивительно, что в ходе Второй мировой войны зверства хорватских усташей по отношению к сербам поражали даже эсэсовцы.

Аналогичную ситуацию мы имеем сегодня на Украине. И если население бывшей Галиции действительно представляет собой самостоятельное национальное целое с австро-венгерским и польским прошлым и её конфликт с «русским миром» в большей степени напоминает бракоразводную процедуру, то с бывшими малороссами ситуация иная. Им есть что делить с русскими.

Понять причудливую «зеркальную» логику русско-украинского конфликта на самом деле не сложно, если не упускать из виду элементарный исторический факт, что украинцы, в отличие от галичан, – бывшие русские. Литературные памятники Киевской Руси, единоличными наследниками которой хотят считать себя нынешние украинцы, написаны на древнерусском языке. Чтобы в этом убедиться, достаточно открыть «Слово о полку Игореве» в оригинале. На украинских купюрах любят изображать Ярослава Мудрого, но свод законов, составленный Ярославом, назывался «Русская правда» и был сводом законов Древней Руси. Разумеется, переписывание идентичности, которое сделало русских украинцами, произошло не само по себе и не просто так. Но не будем углубляться здесь в историю украинства, напомним лишь, что само слово «Украина» («окраина»), по мнению большинства специалистов, не украинского и не российского, а польского происхождения.

Если попробовать охарактеризовать украинскую нацию в соответствии с критериями классического «квадрата идентичности», мы обнаружим, что критерии не выполняются. Язык изначально русский (впоследствии южнорусский вариант). Религия – православие, вплоть до начала распространения греко-католицизма. Памятники культуры и литературы за редким исключением тоже русские. Например, Н. В. Гоголь писал отнюдь не на украинском. Общность

исторических задач тоже очевидна, несмотря на заявления Арсения Яценюка о том, что СССР оккупировал Украину вместе с Германией.

Интересно, что украинская негативная идентичность напоминает российскую постсоветскую, также построенную на негативных основаниях. В запасе у Украины сегодня нет ничего кроме русофобии. Конечно, если не считать локальную галицийскую культуру, не имеющую с малороссийским украинством ничего общего, и этот неприятный парадокс украинцам ещё предстоит обнаружить и пережить. Россия и русский народ, напротив, имеют за спиной столетия национального развития в имперском формате. Это огромный плюс. Но этот плюс содержит внутри себя и минус: имперская бюрократия по определению антинациональна. Российский правящий слой то и дело понуждал народ отказаться от своего исторического опыта. И этот фактор наносил урон русской идентичности, разрушал национальную традицию. Российский постсоветский самообраз противопоставлен собственной традиции, собственному историческому «я». А вот деструктивный вектор украинизма, в отличие от российского, направлен не вовнутрь, а вовне, то есть на «москалей», «монголоидов», этнических русских Юго-Востока, что и привело в 2014 году к геноциду русских и этническим чисткам.

Концептуализация украинской общности является политическим конструктом, который, как мы видим сегодня, включает в себя осязаемый элемент неонацизма. Без этой архаичной составляющей Украина просто не могла бы сохранять целостность. Украинцам приходится постоянно доказывать себе и миру свою особую идентичность в виде активной и открытой формы русофобии. И, как мы уже отмечали, склонять к аналогичному подходу новороссов, то есть насильно переписывать их идентичность. Когда же это переписывание буксует – резать по живому в буквальном смысле этого слова.

Каковы же альтернативы этому процессу в исторических условиях? По мнению Армена Асрияна, «рано или поздно (скорее, очень рано) это породит не только махновщину по всему Центру и Северо-Западу, но и слёзные просьбы малороссов назад в Россию... “Украинизаторы” всё это прекрасно понимают. Именно этим, а отнюдь не “безумной нерассуждающей русофобией”, объясняется террор против Новороссии. Федерализация с чётко прописанными гарантиями для Новороссии останавливает антирусский террор – и тем самым, несмотря на сохранившуюся “территориальную целостность”, останавливает этногенез и запускает механизм превращения территории исторической Украины в бескрайнее Гуляй-поле».⁴

⁴ Асриян А. Зачем Украине Новороссия? / А. Асриян // Правда-ТВ. ru. – 09.01.2015. – URL: <http://www.pravda-tv.ru/2015/01/09/114585>.

Casus belli

Если мы захотим назвать дату начала *открытого* русско-украинского конфликта, мы с ходу ответа не найдём. Так или иначе мы придём к тому, что этот конфликт начался сразу после обретения Украиной независимости. То есть сразу после развала Союза и подписания Беловежской капитуляции.

Казалось бы, парадокс: Россия отпускает Украину, ничего за это не требует, даже оставляет Крым и другие нажитые ею за время пребывания в СССР территории. Вроде бы отношения начались с чистого листа, без претензий. Откуда тогда оголтелая русофобия? Почему украинские политики идут на выборы, обещая электорату «укреплять отношения с Россией», а едва заняв свой пост, начинают говорить об ограничении русского языка, западных стандартах, интеграции в ЕС и вступлении в НАТО?

Здесь кроется ответ на главный вопрос украинско-русских отношений. Русские в глазах части украинства будут виновны всегда. Независимо от того, как они себя ведут и что они делают. Просто потому что они есть. Собственно украинцы затем и отделялись, чтобы начать *открыто*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.